

Джеймс Хайнс
James Hynes

**ИЗДАЙ
и УМРИ**

Описать ЭТО — НЕВОЗМОЖНО.
Читать ЭТО — НАСЛАЖДЕНИЕ!

Потрясающе зло,
забавно и экстравагантно!
—Washington Post—

Джеймс Хайнс

Расклад рун

Серия «Издай и умри», книга 3

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155865

Джеймс Хайнс «Издай и умри»: АСТ, Транзиткнига; Москва; 2006

Аннотация

Повести, вошедшие в этот сборник, – три изысканные пародии одновременно на жанры «университетского детектива» и «университетского триллера», «черной мистики», «психологического реализма» и... список можно продолжать до бесконечности!

Кошка при помощи «кошачьего психоаналитика» раскрывает весьма гнусную интригу...

Неудачливый антрополог отправляется в отпуск – а попадает в ситуацию, достойную Лавкрафта и Кроули...

Таинственные руны приносят смерть и ужас в семью... блестящей специалистки по древней истории...

Описать это – невозможно.

Читать это – наслаждение!

Содержание

1	4
2	18
3	34
4	42
5	51
6	61
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Джеймс ХАЙНС

РАСКЛАД РУН

1

– Чушь! – без обиняков, решительно и громко выразил свое мнение Виктор Карсвелл. И чтобы еще более подчеркнуть значимость и окончательный характер вердикта, ударил по столу свернутой в трубку работой Вирджинии – стопкой листов, которые он крепко сжимал в своем маленьком бледном кулачке.

Вирджиния Даннинг вздрогнула от неожиданности и не могла не заметить удовольствия, которое появилось на лице Карсвелла. Наблюдая за реакцией девушки, он взял работу обеими руками и еще плотнее свернул ее, а затем снова хлопнул ею по столу, отчего многочисленные расставленные на его поверхности аксессуары интеллектуального труда – блестящая авторучка, серебристый нож для вскрытия писем, острый штырь, на который накалывали кафедральные бумаги и студенческие работы, – все, казалось, затрепетало от ужаса перед мистером Карсвеллом, словно ожившие кухонные принадлежности в стареньком мультфильме.

– Чушь! Чушь! Чушь! – орал он высоким тонким голоском.

Продолжая размахивать листками, Карсвелл немного повернул свое бесшумное, отлично смазанное офисное кресло, отвернувшись от Вирджинии, выражая этим крайнее в ней разочарование, и устался на косые лучи яркого тexasского солнца, проникавшие в кабинет сквозь жалюзи.

Вирджиния воспользовалась представившейся передышкой, чтобы чуть поудобнее сесть на маленьком табурете. Она ненавидела Карсвелла, ненавидела себя, потому что позволила ему так себя вести с ней, ненавидела все и вся за то, что в данный момент не имела возможности излить ненависть и гнев. Сейчас она даже не знала, что делать со своими коленями. В кабинете Карсвелла было только два места, где можно было сидеть. Одно представляло собой массивное мягкое кресло, изготовленное на заказ из дорогого дуба. Оно имитировало кресла из *старой* Британской библиотеки, а отнюдь – не приведи Господи! – не из новой, не эти жуткие постмодернистские монструозности. Вторым местом для сидения был низкий табурет на противоположной стороне стола Карсвелла, где и должны были размещаться все его посетители. Как правило, заранее узнав о предстоящей встрече, Вирджиния надевала брюки или длинную, чуть не до пят, юбку. Сегодня никакой встречи не предполагалось, и потому Вирджиния надела летнее платье выше колен, и тут Карсвелл поймал ее на кафедре истории, где она проверяла электронную почту.

И вот теперь Вирджиния сидела на расстоянии каких-ни-

будь десяти дюймов от пола, приняв одну из двух возможных на этом табурете поз, одинаково унижительных. Она могла сесть, сжав колени перед собой и обхватив их руками, словно красotka образца 1943 года. Тогда ее юбка задралась бы почти до самых бедер. Вирджиния выбрала вторую позу: немного набок, отведя колени в сторону, спина прямо, руки на бедрах – что-то в стиле эксцентрических комедий тридцатых годов. («Возьмите письмо, мисс Смит!» – рявкает Клод Рейнз, и Джин Артур быстрым деловым шагом входит в кабинет, отделанный панелями; блокнот для стенографирования прижат к высокой груди. Джин останавливается на мгновение только для того, чтобы слегка разгладить складки на платье.)

Как бы то ни было, Вирджиния обнажила взору профессора Карсвелла значительно большую часть бедра, нежели следовало, взгляда на которую он явно не заслуживал. Конечно, она может встать, но это сразу же будет истолковано как непростительная дерзость, а Джин Артур никогда не дерзила Клоду Рейнзу, по крайней мере до самых последних кадров. Ну что ж, придется раз и навсегда запомнить на будущее: ни при каких обстоятельствах, идя в университет, не надевай коротких юбок!

– Я тешил себя надеждой, – продолжал Карсвелл, причем его голос выражал всю гамму трагически горького разочарования, – что из всех моих молодых коллег хотя бы вы одна сохранили профессиональное целомудрие. Ваша диссертация,

во многих существенных вопросах далеко не совершенная, была тем не менее для человека вашего возраста весьма разумно написанным исследованием.

Карсвелл печально всматривался в улицу сквозь жалюзи, похлопывая по ладони свернутой в рулон бумагой. На его лицо падала тень, солнечные лучи освещали только жилет и бабочку.

– И вот теперь я вижу, что вы являетесь или, может быть, стали интеллектуально неразборчивой, вы предались духовному распутству, бездумно и с порочным восторгом отдаваясь, как и остальные представители вашего охочего до наслаждений поколения, вульгарным удовольствиям постмодернизма.

Сделав паузу, он бесшумно повернулся к Вирджинии и устремил на нее взгляд, словно яркий луч интеллектуального света. Как ни рассматривать его поведение, по любым стандартам оно балансировало на грани оскорбления. Тот факт, что Карсвелл никогда к ней не прикасался – собственно, насколько Вирджинии было известно, не прикасался вообще никогда и ни к кому, – ничего не менял. Его поведение было значительно более оскорбительно, нежели простое прикосновение рукой к голой коленке.

Вирджиния решительно положила руки на край табурета, так, словно собиралась резко встать и демонстративно покинуть кабинет, однако не сделала этого. И дело вовсе не в том, что она боялась, что ей не поверят, если она обвинит Кар-

свелла в домогательствах, – напротив, многие и многие как раз с радостью поверят. Всем хорошо известно, что Карсвелл любит *наблюдать*... У нее просто нет никакой возможности доказать свои обвинения. Свидетелей нет, и, кроме того, в данный момент Карсвелл в самом буквальном смысле слова сжимал в руках ее профессиональное будущее. Закрой глаза, сказала себе Вирджиния, и подумай об университетской должности.

– И каков же результат вашей духовной распушенности, моя дорогая Вирджиния?

Казалось, Карсвелл ждет ответа, и Вирджиния решила отказать ему хоть в этом удовольствии. По прошествии минуты мучительного ожидания он поднял ее работу, взявшись за уголок двумя пальцами, и позволил листкам развернуться, словно увядший цветок.

– Результат же заключается в том, что вы заразились французской болезнью. – Карсвелл презрительно сжал губы. – Если бы я пребывал в более благодушном настроении, – продолжал он, покачивая страницами, – я бы задал вам вопрос: какое отношение могут иметь отцы-францисканцы к «конструкции», «реконструкции» и «деконструкции» женщин на острове Пасхи.

Самое непосредственное, подумала она, и не на острове Пасхи, а на Рапануи, болван. Но даже не пытайся ему отвечать, он ведь в твоих ответах не нуждается.

– Однако истина в том, – продолжал Карсвелл, и губы

его задрожали от предвкушения особого удовольствия, точно у школьного задиры, который придумал что-то предельно оскорбительное, – что, когда я слышу слова «пол, раса, класс», моя рука тянется к пистолету.

Он отпустил листки, и они с тихим шорохом рассыпались по столу. Да, подумала Вирджиния, свою последнюю фразочку он припас на десерт, хочет, чтобы я ее всюду повторяла, чтобы она вошла в легенду о нем. Она тоже покрепче сжала губы, чтобы ненароком не выдать что-нибудь эдакое, и подумала: возблагодари Господа, могло бы быть и намного хуже. О Карсвелле ходил слух, что особое наслаждение ему доставляет насаживать курсовые своих студентов прямо у них на глазах на тот самый острый штырь, который специально для этого он держал на столе. За что его и прозвали Вик, Сажаящий На Кол.

– Конечно, само собой разумеется, – сухо продолжал Карсвелл, – я не могу позволить подобному появиться в нашем юбилейном сборнике.

Он многозначительно сжал кончики пальцев и откинулся на спинку кресла. Вирджиния почти презрительно взглянула на него. Карсвелл вдруг показался ей крошечным и ничтожным.

Вирджиния немного подвинулась на табурете. Ей хотелось встать, собственно, ей *нужно* было встать, но она ухватила за края табурета, словно из страха взлететь от негодования под потолок. Теперь настало время говорить ей, и

нужно тщательно подбирать слова.

– Издательский комитет уже принял мою работу к публикации, Виктор, – произнесла она. – Вы не имеете права в одностороннем порядке изъять ее из списка.

– Неужели? – Глаза Карсвелла расширились. – Но я *должен*, моя дорогая, я просто *обязан*. У меня нет другого выбора. Профессор Блэквуд – очень пожилой человек, у него слабое сердце. Если бы он увидел это... это... это... – Карсвелл сделал презрительный жест в сторону работы Вирджинии, самым жалким образом разбросанной у него по столу. Казалось, он не находит слов, чтобы охарактеризовать ее произведение. – Если бы он увидел *это* в своем юбилейном сборнике, сердце бедного профессора не выдержало бы подобного надругательства. Ваше творение, несомненно, убило бы его. – Карсвелл снова улыбнулся, и Вирджиния едва не содрогнулась от возмущения и отвращения. – Хотя... я ведь не знаю... возможно, такова была ваша цель.

Ей хотелось заметить, что профессор Блэквуд проспал всю торжественную церемонию, посвященную его уходу на пенсию, начиная от торжественных речей и заканчивая обедом. Он, по всей вероятности, не прочел ни одной книги по специальности, изданной после 1975 года.

– Виктор, – сказала Вирджиния, сделав глубокий вдох и облизав пересохшие губы, – сборник уже сдан в печать...

– Мне не составит ни малейшего труда вернуть его обратно с помощью простого телефонного звонка. – Маленькие

пальчики Карсвелла растопырились, и он занес руку над телефонным аппаратом, потом вдруг с силой сжал ее в кулак и произнес: – Но в этом-то и заключается суть моей дилеммы. Вы ставите меня перед чудовищным выбором, профессор, перед *чудовищным* выбором. Следует ли мне отложить публикацию сборника ценой больших убытков для издательства – и причинения к тому же значительного неудобства другим его авторам, – или же мне следует позволить ему выйти в том виде, в каком он ныне подан в печать, прекрасно зная, что в нем содержится подобная *гниль*, подобное *разложение* в самой его сердцевине?

Вирджиния заерзала на табурете. Решительно поставила ноги на пол, выпрямив их. Черт с ней, с юбкой! Она чувствовала, что краснеет.

– Я не стану переписывать работу. Во-первых, потому что уже нет времени...

А во-вторых, – она, конечно, не произнесла этого вслух, – потому что моя работа – лучшая во всем сборнике.

– Конечно, я виню во всем только себя, – сказал Карсвелл, прерывая ее взмахом руки. – Находясь под гнетом других своих многочисленных обязанностей, я не сумел вовремя отследить появление вашей работы. *Mea culpa*¹, моя дорогая Вирджиния. И так как, – продолжал он, поднимая указательный палец, дабы предупредить все дальнейшие протесты и возражения с ее стороны, – я ныне признаюсь в собственном упу-

¹ Моя вина (*лат.*).

щении и преступной халатности в данном вопросе, я готов предложить решение, которое, по моему мнению, позволит нам продолжить запланированную работу, не отклоняясь от графика, и сохранить или по меньшей мере защитить научную репутацию всех участников нынешней прискорбной ситуации.

Вирджиния закрыла рот, снова наклонила колени в сторону, одернула юбку и скрестила руки на груди.

Карсвелл молча наклонился над столом, собрал рассыпавшиеся листки в стопку и постучал ими по столу, выравнивая их. Глаза его блестели так, словно он сжимал в руках не стопку бумаг, а ее горло. У Вирджинии внезапно возникло желание бежать. Вдруг Карсвелл сунул руку в жилетный карман и, к ее величайшему изумлению, достал оттуда свое знаменитое пенсне и церемонно нацепил на переносицу.

– Я готов, – сказал он, взирая на Вирджинию сквозь блестящие стекла пенсне, – взять на себя часть ответственности за научное фиаско сборника и предлагаю вам поставить мое имя в качестве основного автора данной работы.

Впервые за все время беседы Вирджиния возблагодарила судьбу за то, что слушает Карсвелла сидя. Если бы она сейчас стояла, то, несомненно, упала бы, рухнула бы от шока, словно секвойя под ударом топора. Но так как она все-таки, к счастью, сидела, Вирджиния просто смертельно побледнела и открыла рот.

Карсвелл пристально наблюдал за ее реакцией сквозь

круглые стеклышки пенсне, ожидая, пока Вирджиния успокоится. В течение какого-то мгновения она не могла думать, не то что говорить. И единственная мысль, которая наконец пришла ей в голову, была: «Ну конечно, мне следовало давно предвидеть подобное развитие событий. Он все время стремился к этому».

– У вас впереди долгая и весьма продуктивная карьера, профессор Даннинг, – проговорил наконец Карсвелл, когда почувствовал, что Вирджиния никак не может найти слов, – и, мне кажется, вам следует руководствоваться в решении данного вопроса моим долгим и очень богатым опытом.

Вирджиния поняла, что встает с табурета, только потому, что увидела, как поднимаются глаза Карсвелла, следя за ее движением. Кто-то будто тянул ее за невидимые нити. Единственное, что ей приходило в голову в качестве ответа, были какие-то жалкие клише, взятые из полуночных «мыльных опер». Она в роли Аманды из «Мелроуз», в узкой юбке, вся преисполненная негодованием, отбрасывает пышную гриву белокурых волос и восклицает: «Никогда, никогда, скорее мир провалится в тартарары! Скорее ты сдохнешь, подонок, недоносок!»

На деле она только и смогла выдать:

– Мне кажется, это несколько... несколько необычно, Виктор.

В конце концов, перед ней сидел Виктор Карсвелл, а не Кортни Торн-Смит.

– Я ведь только хочу защитить вас, дорогая, – ответил Карсвелл, изо всех сил стараясь, чтобы его голос звучал возможно теплее, и от каждого произнесенного им слова озноб пронизывал Вирджинию до костей. – Я предлагаю вам с огромным риском для собственного имени принять вас под защиту моей научной репутации.

От образа, который при этих словах предстал перед умственным взором Карсвелла, у Вирджинии перехватило дыхание. Пришлось крепко сжать руки, чтобы не выдать свое состояние. Я вовсе не твоя дорогая! Попробуй назвать меня так еще раз, и я поведу тебя к декану. Да-да, попробуй, маленький евнух, и вон тот штырь на столе будет торчать в твоём сердце!

Неожиданно гнев уступил место странной легкости – наверное, именно так чувствуешь себя в последние мгновения жизни: мощным потоком, подобно водопаду или смерчу на нее обрушились воспоминания о прошлом. В памяти Вирджинии мелькали измены любовников, предательство друзей, ложь родителей и учителей, пока наконец захлестнувший ее поток не достиг предельной силы, и она не увидела себя где-то в старших классах школы в одно из самых трагических мгновений своей жизни.

Учительница литературы раздавала сочинения по классическим произведениям. Вирджиния самым внимательным образом прочла всего «Моби Дика» от корки до корки и получила «четыре с плюсом», а Джессика Линденмайер, ко-

торая смогла одолеть только коротенький пересказ книги в серии «Классика в комиксах», заслужила «пятерку». Суть проблемы тогда и сейчас была совершенно одинакова: работа Вирджинии оказалась слишком хороша. И потрясающим крещендо памяти, словно последний аккорд «Сержанта Пеппера», перед ней предстал написанный идеальным почерком миссис Альтенбург комментарий к ее работе: «Вирджиния, это твое собственное сочинение?»

– Да, – пробормотала она.

– Простите? – произнес Карсвелл, и глаза его расширились под стеклами пенсне.

– Нет, – сказала она свободно и смело, расправив плечи. – Это моя работа, Виктор. И вы не имеете права ставить на ней свое имя.

Воцарилась гробовая тишина, и у Вирджинии даже возникли опасения, что Карсвелл услышит, как бьется ее сердце.

– Подумайте хорошенько, моя дорогая, – тихо проговорил он, и глаза его зловеще потемнели за блестящими стеклами.

Горло пересохло, Вирджинии едва удалось произнести:

– Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что делаю, Виктор.

– Понимаю, – ответил Карсвелл.

И вдруг его лицо почти исчезло в ярких солнечных бликах, пробивавшихся сквозь щели в жалюзи. Вирджиния видела только, как движутся его губы, и ей показалось, что он пытается сдержать улыбку. Затем его физиономия вновь

явилась ей, серьезная и мрачная. Карсвелл взял ее работу и постучал стопкой бумаг по столу.

– Таково ваше окончательное решение? – спросил он.

– Да, – ответила Вирджиния, – окончательное.

– Прекрасно.

Карсвелл положил работу на стол, взял авторучку, поднял несколько листов и что-то быстро и решительно начертил на одной из последних страниц. Затем дунул на чернила, закрыл ручку колпачком, положил ее и протянул листки Вирджинии.

– В таком случае позвольте мне передать вам сие творение, профессор, – произнес он. – Полагаю, оно ваше.

Вирджиния с неистово бьющимся сердцем, готовым выпрыгнуть из груди, подошла к столу.

– Да, – сказала она, – оно, вне всякого сомнения, мое.

Беря рукопись из рук Карсвелла, она почувствовала, как по руке и спине пробежал зловещий холодок, словно бумаги только что извлекли из холодильника. Как только она взяла работу, Карсвелл сразу же отдернул руку. Вирджиния свернула статью в рулон и начала вертеть ее то в одной, то в другой руке, словно стараясь согреть. Затем резко повернулась на каблуках и напряженной походкой прошествовала к двери, почти физически ощущая взгляд Карсвелла, нацеленный ей в спину подобно острию пики.

Когда Вирджиния на мгновение повернулась, чтобы открыть дверь, он все еще пристально смотрел на нее своими

темными страшными глазами из-под стекол пенсне.

– Прощайте, моя дорогая, – прошептал он, когда Вирджиния закрыла за собой дверь.

2

Вирджиния Даннинг, высокая и бледная уроженка небольшого городка в Миннесоте, первые двадцать восемь зим своей жизни провела в суровых условиях северного Среднего Запада: вязаные свитера, утепленное нижнее белье, длинные шерстяные носки, ботинки на каучуковой подошве, напоминающие звенья гусениц трактора, шестифутовые шарфы, которыми она заматывалась до самого носа, меховые шапки, доходящие до бровей. Самое худшее, что может с тобой случиться, говорили ей гены и мать, – это вдруг оказаться обнаженной, и Вирджиния старалась выставлять напоказ возможно меньшие участки и своего тела, и своих мыслей. Делала она это как с помощью одежды, так и с помощью сдержанности в оценках и в высказывании личного мнения на публике.

В старших классах школы Вирджиния была тихой, прилежной девчужкой. Она училась, демонстрируя завидное старание и упорство, в небольшом колледже, специализировавшемся на гуманитарных дисциплинах, в городке, прославившемся когда-то тем, что неразговорчивые жители Миннесоты пристрелили там прославленного рецидивиста Кола Янгера.

Оттуда Вирджиния отправилась прямиком в престижный Средне-Западный университет в Хэмилтон-Гроувз, где

практически сразу же стала самой яркой звездой на историческом факультете. Будучи столь же застенчивой, сколь и талантливой, Вирджиния за первые два года в аспирантуре вряд ли хоть однажды выступала на публике. Но даже если бы ей и довелось говорить перед аудиторией о себе и своих пристрастиях, Вирджиния ни при каких обстоятельствах не призналась бы никому в университете, что ее любимой книгой в детстве, собственно, и заронившей в душу интерес к истории, были «Гавайи» Джеймса Миченера и что юные годы она провела, воображая себя на месте Джулии Эндрюс в роли жены миссионера в киноверсии книги.

Рассматривая себя в зеркале после очередного просмотра фильма на видео, юная Вирджиния начинала отмечать в своем лице нечто, напоминающее бледность Джулии, те же резко выделяющиеся скулы. Отсюда и тема ее диссертации, написанной несколько лет спустя: феминистская история деятельности христианских миссионерок на Гавайских островах. Работа была написана скромно, но с завидной тщательностью и рассматривалась многими как важный вклад в исследование вхождения европейской культуры в жизнь островов южной части Тихого океана.

Впрочем, даже по мере того как росла ее уверенность в себе, Вирджиния все равно оставалась достаточно скрытной. Прическа ее напоминала шлем из светлых волос, ниспадавших на плечи, с челкой до бровей. Кроме того, она носила громадные очки в стиле Глории Стайнхем, а по универси-

тетским коридорам ходила, опустив плечи, несколько сутулясь, нервно сжимая и разжимая руки, что очень типично для девушек высокого роста. Даже довольно теплым миннесотским летом она не снимала футболку с длинными рукавами, доходящую до щиколоток юбку, длинные гольфы и широкополую шляпу, защищавшую ее от бледных лучей совсем не щедрого солнца родного штата.

По окончании Вирджиния получила несколько завидных приглашений от престижных университетов и потрясла окружающих тем, что из всех предложений выбрала место в университете Лонгхорна в тexasском Ламаре. Глядя из толстого кокона, сотканного из прогрессистских, либеральных добродетелей янки, ее друзья в Хэмилтон-Гроувз воспринимали Техас как нечто вроде далекой заморской страны, полумифической территории, чей образ в основном состоял из старых фильмов с участием Джона Уэйна, эпизодов из «Далласа» и последней сцены из «Беспечного ездока». «А как же нестерпимая тexasская жара?!» – с ужасом вопрошали они, с содроганием представляя себе, как бледная и холодная Вирджиния засыхает, словно листок нежного северного растения под широким и ослепительно безоблачным тexasским небом, как будто она невеста из Норвегии, выписанная по почте каким-нибудь ковбоем с ранчо.

А что, если утром ты обнаружишь в своей туфле скорпиона? Термитов на кухне, змею среди мусора, «черную вдову» в траве? А как насчет затянутых в джинсу крутых пар-

ней с брюшком, строящих из себя ковбоев, что разъезжают в пикапах по темным переулкам с винтовками, спрятанными под задним сиденьем, давя броненосцев, выбрасывая из окон банки из-под пива, в поисках какого-нибудь очередного загулявшего хиппи, с которым можно было бы по-своему по квитаться? А шикарные тexasские девицы в броских дорожных нарядах от супермодельеров, с маникюром и губной помадой в тон, на предельной скорости несущиеся в розовых «кадиллаках» с откидным верхом по восьмиполосной автострате в поисках какого-нибудь местечка, где можно было бы потратить на черных соболей от «Нейман-Маркуса» папочкины нефтяные доллары? И как же все-таки насчет жары?

Вирджиния никого не послушалась и поехала. Аспирантура в Средне-Западном университете представляла собой осиное гнездо, в котором собрались люди с самомнением, раздутым до невероятных размеров, несостоявшиеся строители империй, кафедральные интриганы. Все это соединилось в некое подобие барочной пьесы, в которой отсутствовала лишь одна деталь, характерная для жанра, – по коридорам не текли потоки крови.

Университет Лонгхорна на лестнице академического престижа был на ступеньку, а то и на две ниже Средне-Западного университета. Он был больше известен своей футбольной командой, нежели научными достижениями. Однако исторический факультет был открыт там совсем недавно, и его заполняли амбициозные молодые доценты, которым еще пред-

стояло найти свое место в науке.

Возможно, до самой главной профессиональной вершины Вирджинии было еще очень далеко, тем не менее здесь она могла бы «нанести ее на карту своих жизненных планов». И против ожиданий миннесотских друзей университет Ламара в то время представлял собой один из самых притягательных вузовских адресов в стране. Он был чем-то вроде тематического парка всякого рода тунеядцев, до отказа набитый длинноволосыми сочинителями рока, начинающими романистами с ковбойскими замашками, видеоторговцами, бог знает каким образом превратившимися в кинодеятелей, скинхедами и неопанками. В эту пеструю публику каким-то образом затесался и недавно сколотивший себе миллиардное состояние разработчик программного обеспечения.

Более того, с самой первой секунды своего пребывания в Ламаре, выйдя из хорошо кондиционируемой кабины небольшого взятого напрокат желтого фургона в испепеляющую жару и белесую дымку июльского полдня в центральном Техасе, Вирджиния поняла, что сделала правильный выбор. Жара моментально пропитала все ее тело, растопив лед, копившийся на протяжении двадцати восьми лет, и практически за одну ночь Вирджиния расцвела, словно тexasский василек. Ламар оказался как будто создан для молодости, а ведь Вирджинии не было еще тридцати. Она выпрямилась и расправила плечи, открыла для себя сандалии, топы с бретельками и мини-юбки, научилась ходить широким

шагом, как ходят на ранчо. Она решительно отказалась от своей подборки записей муторных канадских народных напевов и приобрела «Баттхоул серферз», Боба Уиллса и «Тексас плейбойз». Привыкла есть грудинку руками, приобрела печку для разогревания маисовых лепешек и сама навострилась делать маринад для фахитас.

На первую зарплату в университете Вирджиния решила купить в рассрочку маленький вишневый пикап – японский, – отдав в счет покупки свой старенький проржавевший «додж-кольт». Выехав со стоянки автомобильного дилера, она настроила радио на станцию «Тексано» и всю дорогу, сидя за рулем, подпрыгивала на сиденье в такт мелодии, наигрываемой на аккордеоне.

Без малейшего сожаления Вирджиния по телефону порвала свои и без того уже дышавшие на ладан отношения с высокомерным, сильно пьющим англичанином и завела себе нового любовника по имени Чип – высокого, нескладного уроженца Техаса, чем-то напоминавшего молодого Клинта Иствуда. По ночам Чип работал в рок-видеотеке, а днем писал пробные тексты для телепрограмм. Она постриглась под мальчика, а субботними вечерами покрывала волосы ярким лаком и гелем, надевала открытое красное платье, ковбойские ботинки и отправлялась с Чипом в круиз по ночным барам на Шестой улице.

Выходные Вирджиния проводила в своем пикапе, мчась по пожелтевшей траве, мимо пыльных зеленых кедров Хол-

мистого Штата, открыв все окна навстречу порывам горячего южного ветра на скорости семьдесят пять миль в час. Она ловко объезжала броненосцев на дорогах, зажав между ног холодную и влажную бутылку «шайнер-бок».

Вирджиния мечтала провести здесь всю оставшуюся жизнь. Она хотела состариться под жарким тexasским солнцем. Она грезила о том, как со временем ее кожа приобретет бронзовый оттенок, огрубеет, покроется глубокими бороздами морщин, словно старый сапог, и она превратится в крутую старую тexasку наподобие Молли Айвинс или Энн Ричардс и будет говорить и делать все, что ей заблагорассудится, и плевать на всякое дерьмо.

Они с Чипом поселились в маленьком тexasском бунгало на склоне холма. В доме был даже камин, которым они, правда, никогда не пользовались. Никто из них в одиночку не смог бы позволить себе подобную роскошь: из бунгало открывался великолепный вид на университетский кампус и на живописный абрис угловатых, чем-то напоминающих экзотические растения центральноамериканской пустыни небоскребов Ламара. Часто, приходя домой в середине дня, Вирджиния заставляла Чипа за разыгрыванием сцен из его телесценариев: он стоял с пистолетом в руках, целясь в их туповатого кота, и орал: «Стоять! Полиция!» или демонстрировал способы восстановления дыхательной функции на диванной подушке, приговаривая сквозь сжатые зубы: «Дыши, черт тебя побери!» Пока все его пробные сюжеты для теле-

видения – детектив про вампиров, мюзикл про спасателей, комедия про четырех очаровательных деток и их приемного отца и история о садисте-гуманоиде из отдаленного будущего – безнадежно отставали от времени.

Но нынешним летом Чип наконец-то создал «верняк» – часовую драму о женатой паре частных детективов из Лос-Анджелеса. Он – Т. К. Мур, чернокожий бывший полицейский, отсидевший срок за преступление, которого не совершал! Она – Веранда, белая супермодель со степенью по парапсихологии! Они живут в самом модном прибрежном районе Лос-Анджелеса, расследуют похищения, совершаемые инопланетянами, и одновременно разыскивают настоящих убийц бывшей жены бывшего полицейского. Чип характеризовал свое творение как смесь «Макмиллана с женой», «Секретных материалов» и «Спасателей». Драму он почему-то назвал «Венецианские мавры».

Так что в данный момент Чип колесил по Лос-Анджелесу, сняв комнату у своего тамошнего друга Мела, а по телефону давал весьма туманные ответы на тот счет, собирается ли он возвращаться в Техас, а если собирается, то когда. Тем временем Вирджиния с трудом наскребала деньги на оплату их бунгало и, глядя вечерами на освещенные неоновыми огнями очертания Ламара, задавалась вопросом, а есть ли у нее вообще-то парень, или пришло время подыскать нового. Хуже того, она приближалась к окончанию третьего года конкурсного срока, и нужно было готовить отчет.

Вскоре после отъезда Чипа заведующий кафедрой профессор Ле Фаню пригласил ее на беседу в ресторанчик на берегу реки в тexasском этностиле и долго в привычной для него манере наставлял Вирджинию в премудростях жизни. Ле Фаню был галантный южанин, приближавшийся к своему шестидесятилетию, совершенный подкаблучник или, в переводе на более светский язык, джентльмен, доходящий до почти непристойной трусости в присутствии женщин. Стоило ему заговорить, как у Вирджинии возникало впечатление, что она слышит траурную мелодию, наигрываемую на дешевой скрипочке. Единственная уступка, которую профессор сделал тexasской жаре, состояла в том, что на встречу он пришел без галстука и, сидя за грубо сколоченным столом с видом на реку, старательно убирал рукава белого холщового пиджака от поверхности стола, сплошь покрытой липкими кругами от пивных кружек.

Вирджиния, конечно, вполне понимала смысл происходящего. Она поскребла засохшую соль на ободке кружки. Неизвестно сколько времени – казалось, целую вечность – они болтали обо всем на свете и ни о чем, словно старый дядюшка и любимая племянница, которую он приехал навестить. Наконец профессор как-то весь подтянулся, бросил взгляд куда-то за реку и положил руки на стол, словно собирался тут же встать и уйти.

– Все вас любят, Джинни, – произнес профессор Ле Фаню мягким говорком уроженца Теннесси, пристально всматри-

ваясь в мерцание воды в реке, – и я не хочу, чтобы вы меня неправильно поняли. Однако должен вам сказать, список публикаций у вас маловат. Признаю, с вашей книгой обошлись несколько несправедливо, но ведь она не имела успеха, и это факт, тут ничего не попишешь, как говорится. Ваши последние работы, вне всякого сомнения, заслуживают всяческой похвалы, однако другие молодые преподаватели к настоящему времени опубликовали по две и по три статьи. У Ричарда даже вот-вот должна выйти еще одна книга. Ламар – райский уголок, Джинни, вот почему я работаю здесь уже двадцать пять лет, но возможно – поймите, я высказываю лишь свое предположение, оно может оказаться и ошибочным, – возможно, вы слишком много времени уделяли развлечениям...

С этими словами усталый наставник отвел печальный и разочарованный взгляд от реки и обратил его на Вирджинию. Она ничего не ответила. А что она могла сказать? Профессор совершенно прав. Опубликованный вариант ее диссертации удостоился значительно более прохладного приема, нежели первоначальный вариант. Ученые, представляющие старую школу и заполняющие своими статьями научные журналы, те самые ученые, что славятся врожденным скептицизмом по отношению к молодым и еще большим к женщинам, опубликовали более чем прохладные рецензии на ее книгу.

Научная репутация Вирджинии так и не восстановилась

полностью после названной неудачи с книгой, и, несмотря на более свободную и современную атмосферу, царящую в Лонгхорне, где ее поощряли на смелые исследования с прорывом в настоящую теоретическую концептуальность, она, как совершенно справедливо заметил Ле Фаню, себя работой особенно не утруждала. Перед Вирджинией замаячила реальная опасность жизненного фиаско, перспектива закончить жизнь «училкой» в какой-нибудь задрипанной школе.

– Вам необходимо опубликовать по крайней мере еще одну работу до конца учебного года, – был вердикт Ле Фаню в ресторане на берегу реки, – в противном случае контракт с вами не продлят.

Тем же вечером Вирджиния села за ноутбук и открыла главу из своей новой книги о францисканской миссии на Рапануи – острове Пасхи. Несмотря на прохладный прием первой книги, Вирджиния, работая над второй, не утратила научной смелости и начала с ниспровержения преобладающей точки зрения на характер вхождения европейской культуры в культуру Океании. Она едко раскритиковала старинные мифы о якобы доступности полинезийцев, о том, что они почитали белых мужчин как богов и что конец жителей Рапануи был печален, так как они съели друг друга.

Вирджиния провела практически всю ночь за работой, сокращая главу, делая ее более удобочитаемой, подчеркнув и выделив основные идеи, в общем, сотворив из нее отдельное самостоятельное произведение. Когда неоновые огни на

уступах небоскребов Ламара погасли и первые лучи солнца начали пробиваться сквозь жалюзи окон гостиной, она распечатала свою работу, потом обхватила голову руками и зарыдала, ибо знала, что единственный шанс опубликоваться до срока, назначенного заведующим кафедрой, зависит от благоволения Виктора Карсвелла.

На факультете, состоявшем в примерно равной степени из уже неплохо устроенных в жизни и от того давно впавших в профессиональную меланхолию белых мужчин среднего возраста и из гораздо более разношерстной компании энергичных и амбициозных молодых преподавателей, Карсвелл занимал особое место. Он одновременно являлся обладателем самого громкого имени на факультете и тем, чья звезда уже закатилась дальше и ниже всех. В течение двадцати лет он был профессором в университете из «Лиги плюща», ведущим преподавателем исторического факультета университета в Провиденсе. Карсвелл считался одним из главных специалистов по проблемам истории исследования Океании европейцами, чуть ли не новым Биглхоулом. Он также был известен своей исключительной амбициозностью. Когда-то он чуть было не стал заведующим той кафедрой, на которой работал в Провиденсе. Каким-то загадочным образом в уточенной и крайне напряженной атмосфере университетской жизни «Лиги плюща» соперники Карсвелла, отличавшиеся не меньшим самолюбием, амбициями и жесткостью характера, вдруг начинали отступать в столкновениях с ним, без

причины складывали оружие и в конце концов оказывались на научной обочине, а Карсвелл как ни в чем не бывало спокойно продвигался к вершинам.

И вот тут-то разразился скандал. В Провиденсе, правда, сумели его замять, однако все равно повсюду ходили слухи о какой-то запутанной истории с рукописью, плагиате и о самоубийстве одного из аспирантов Карсвелла. Карсвелл неожиданно для себя был вынужден искать работу, и теперь на его услуги могли рассчитывать такие вузы, которые раньше и мечтать не осмеливались об ученом подобного масштаба. Университет в Лонгхорне был счастлив включить его в свой штат, хотя, надо сказать, Карсвелл взаимностью не отвечал.

При том, что большинство его тexasских коллег успели смириться с уютным изгнанием в полупровинциальном окружении, Карсвелл ни на минуту не забывал, что судьба занесла его во второсортный университет. Он не принимал никакого участия в жизни факультета, с самого начала дав понять, что считает руководство кафедрой пустой тратой времени. Карсвелл сумел заинтересовать всего нескольких аспирантов, но даже из них не смог никого удержать. Будучи закоренелым англофилом, он не делал никаких уступок тexasскому климату: в летнюю жару, когда термометр еще до десяти утра поднимался до отметки в тридцать два градуса по Цельсию, его ежедневно видели шествующим по университетскому кампусу в твидовой «тройке» с жилетом, бабоч-

кой и в маленькой холщовой кепочке на голове. Казалось, уже через несколько минут такой прогулки вся одежда насквозь пропитается потом, и уж по крайней мере в свой университетский кабинет он должен прийти раскрасневшимся и с тяжелой одышкой, однако каждое утро Карсвелл шел по коридору спокойный, бледный и элегантный, будто всего лишь пересек прохладную лужайку Оксфорда.

Многим, не связанным с академическими кругами – к примеру, матери Вирджинии, – Карсвелл мог бы показаться идеальным наставником для девушки. Но уже в Провиденсе, незадолго до того, как обстоятельства вынудили его покинуть благословенный северо-восток, Карсвелл, вероятно, чувствуя, как дышит ему в затылок ретивая молодежь, решил оставить исследования своего главного предмета – прихода европейцев в Океанию – и заняться значительно менее изученной темой: феноменом оккультного в современной Европе. Сказочная щедрость, проявленная к Карсвеллу руководством университета Лонгхорна, славившегося своим умением на нефтяные доллары оптом закупать нобелевских лауреатов, позволила ему собрать за счет университета обширную коллекцию старинных книг и редких манускриптов по магии, ведовству, алхимии, принадлежащих перу современников Бруно, Фичино и Джона Ди.

Сразу же получив в университете все возможные привилегии, Карсвелл мало утруждал себя преподаванием и практически ничего не публиковал. И, конечно же, старался не

общаться с молодыми преподавателями факультета. Еще менее привлекательной кандидатурой для общения делал его тот факт, что, как предполагала Вирджиния, Карсвелл скорее всего входил в число той анонимной «Старой гвардии», которая своими критическими рецензиями попыталась подставить подножку ее первой книге. И потому она всячески старалась его избегать.

Первая встреча и беседа Вирджинии с Карсвеллом была почти столь же жуткой, как и последняя, хотя она и пришла, как ей казалось, во всеоружии. Предупрежденная некоей опытной коллегой Вирджиния, собираясь на аудиенцию к Карсвеллу, попыталась вернуть себе старый средне-западный облик – надела толстый свитер и юбку чуть ли не до пят.

Увидев Вирджинию, Карсвелл оглядел ее с ног до головы сквозь стекла своего знаменитого пенсне и произнес:

– Я уже некоторое время наблюдаю за вами, моя дорогая, – чем страшно ее удивил.

Затем с улыбкой, от которой Вирджинию пробрала дрожь, он предложил ей сесть. Губы Карсвелла довольно подергивались, когда он наблюдал за тем, как она нервно оглядывается по сторонам в поисках второго стула. Вирджиния не сразу разглядела низенький табурет и медленно опустилась на него; сердце ее при этом провалилось еще ниже, ушло, как говорится, в пятки.

– Ну-с, чем я могу вам служить, профессор? – спросил Карсвелл, а Вирджиния, сжимая руки на коленях, думала: ох

и придется же мне когда-нибудь об этом страшно пожалеть!

3

В самом деле Вирджиния даже не предполагала насколько! И вот теперь она почти бежала по окрашенному в пастельные тона коридору исторического факультета от дверей кабинета Карсвелла, крепко сжимая в руках рукопись. Шаги отдавались гулким эхом. Она никак не могла избавиться от нелепого ощущения, что ее преследуют.

Выйдя на улицу, Вирджиния быстро прошла под взорами статуй тexasских героев, от полковника Тревиса до Линдона Джонсона, расставленных через равные промежутки вокруг центральной площади кампуса. Раньше она питала особую привязанность к восьми Великим Мертвецам, отлитым в бронзе в самых разных, крайне неуклюжих позах, но сегодня Вирджинии казалось, что все они смотрят на нее тем хищным взглядом, каким на нее только что взирал Карсвелл. Горячее южное солнце обжигало руки, и она давно должна была бы ощутить удушающие объятия тexasской жары, но ледяной холод, царивший в кабинете Карсвелла, следовал за ней по пятам. Будто нечто незримое, непостижимое и в то же время абсолютно реальное заслонило от нее солнце.

Впервые за все время пребывания в Техасе она пожалела о том, что не надела свитер. Вирджиния вспомнила, что оставила солнцезащитные очки и почту, за которой приходила, на столе у себя в кабинете, но ужас охватывал ее при одной

мысли о необходимости возвращаться за ними в университетское здание. А что, если она снова наткнется на Карсвелла, в голубоватом сиянии плывущего по коридору на расстоянии шести дюймов над полом, подобно Князю Тьмы?

Скрученная в рулон рукопись как будто сама собой дернулась в ее руке. Проходя под статуей Джима Боуи на самом углу площади, Вирджиния еще крепче сжала ее обеими руками. Обычно она воспринимала Боуи как самого глупого в компании Великих Техасцев. Он действительно выглядел аляповато в куртке из оленьей кожи. Боуи стоял, положив одну руку на бедро, а в другой держал свой знаменитый нож, грозно выставив его вперед. Древняя студенческая байка гласила, что если под статуей Боуи поцеловать настоящую девственницу, то он выронит оружие. Сегодня в Вирджинии не осталось ничего девственного, и Боуи угрожающе замалчивался на нее ножом.

Она начала понемногу ощущать жару, только когда вышла за пределы кампуса и пересекла Тексас-авеню. Вирджиния в белесой дымке шла по бульвару среди старшекурсников в шортах и майках, что мелькали мимо нее, входя и выходя из здания библиотеки. Шла мимо бродяг в рваных джинсах, с грязными сальными волосами, заплетенными в множество косичек, которые сидели в развалку у раскаленной стены «Чаринг-Кросс рекордз». Один из них, постарше остальных, с осветленными спутанными волосами до плеч и загорелым обветренным лицом, цветом напоминавшим старое

седло, внимательно оглядел Вирджинию с ног до головы.

– Сегодня у меня последний рабочий день, мэ, – сказал он, – не ссудите ли мне небольшое вспомоществование?

– Отвяжись! – крикнула она, проходя к автобусной остановке, и вслед ей поднялся громкий хор хриплых голосов всего этого сброда, собравшегося у нагретой солнцем стены: «Ого-го, телка!»

К счастью, к остановке уже подходил ее автобус, Вирджиния вспрыгнула на подножку и показала водителю проездной билет. Водитель, не удостоив билет и Вирджинию взглядом, еще больше навалился на руль голой грудью – рубашка у него была расстегнута до самого живота. Кондиционер в автобусе работал с такой силой, что создавалось впечатление, будто из тexasской жары она попала на северный полюс. Вирджиния села рядом с дверью, где хотя бы время от времени ее обдавало порывами горячего воздуха с улицы. Кроме водителя и Вирджинии, в автобусе никого не было, что показалось ей довольно странным даже для середины жаркого августовского дня.

Водитель тяжело вздохнул, и автобус со скрежетом и шипением рванулся вперед. Шофер с любопытством взглянул в панорамное зеркало на свою единственную пассажирку.

– Извини, дорогуша, жара, ничего не поделаешь, – протянул он густым басом.

Вирджиния улыбнулась, но ничего не сказала в ответ. О чем он? В автобусе царила температура рефрижератора.

Ежась от холода и комкая в руках статью, Вирджиния при-слонилась виском к окну и стала сквозь тонированное стек-ло наблюдать за тем, как мимо проносится бульвар.

Техасская идиллия закончена. Она и так длилась гораздо дольше, чем положено идиллии.

Когда автобус остановился на светофоре, Вирджиния услышала, как снова тяжело вздохнул водитель. Она подняла глаза и, к своему удивлению, обнаружила, что с него градом катится пот – тонкая его струйка бежала от волос к густым бачкам шофера в стиле «рокабилли».

Он снова бросил на нее взгляд в зеркало.

– Жаль, не могу устроить для вас сквознячок, мэм, – вновь протянул он уже громче, – у нас ведь строго контролируемое состояние среды внутри салона.

– Простите, не поняла, – откликнулась Вирджиния.

– Это у нас так принято говорить. Что в переводе на нор-мальный язык значит: мы не имеем права открывать окна, – пояснил водитель. Зажегся зеленый свет, и автобус снова рванулся вперед. – Вы уж извините меня за то, что кондици-онер не работает.

Вирджиния в полнейшем изумлении взглянула на водите-ля. В автобусе было настолько холодно, что кожа у нее по-крылась мурашками.

Наконец автобус подъехал к остановке на Крокетт-авеню, и она нажала кнопку звонка. Водитель затормозил у тро-туара. Вирджиния поспешила вниз по ступенькам, радостно

встречая волну жары, сразу же охватившей ее на улице.

Какая-то женщина протиснулась мимо нее в салон, и Вирджиния, отходя, обратила внимание на яркий рекламный щит, висевший на автобусе: большой желтый квадрат с мелкими синими буквами в середине. Квадрат был настолько ярок, что Вирджиния с удивлением подумала, как она ухитрилась его не заметить, садясь в автобус. С другой стороны, надпись внутри желтого квадрата была настолько мелкой, что практически не читалась даже с небольшого расстояния. Чтобы что-то в ней разобрать, нужно было стоять в нескольких дюймах от автобуса. Весьма странный способ рекламы, подумала Вирджиния. Она бросила взгляд в сторону водителя и новой пассажирки, неуклюже пробиравшейся по салону, и решила вернуться к автобусу, чтобы прочесть надпись. Четкими темно-синими буквами на широком ярко-желтом фоне было выведено следующее:

**В память о Джоне Харрингтоне,
бакалавре искусств.**

Провиденс, Род-Айленд.

Скончался 18 сентября 1989 г.

У него было три месяца.

Как жутко, подумала Вирджиния.

Дверь со стуком закрылась, заскрежетали тормоза, и, не зная, зачем она это делает, Вирджиния стала стучать кулаком по дверце автобуса, чтобы задержать его. Автобус затормозил, откатившись немного назад, и Вирджиния засеменила кабине водителя. Тот открыл дверцу и сердито повернулся.

– Вам известно что-нибудь об объявлении на вашем автобусе? – спросила она.

– Я только водитель, дорогуша, – ответил шофер и протянул руку, чтобы закрыть дверцу.

Вирджиния поставила ногу на ступеньку.

– Скажите, пожалуйста, где я могу навести справки?

– Позвоните в Управление перевозками. Может, там вам что-нибудь и скажут, – ответил водитель. – Сойдите, пожалуйста, с подножки.

Вирджиния похлопала по карману своего легкого летнего платьица в поисках ручки, потом подняла голову и одарила шофера самой очаровательной улыбкой.

– У вас, случайно, не найдется ручки? – спросила она. – Мне надо списать это объявление.

Водитель снова тяжело вздохнул, вытащил из груди всякого барахла на приборном щитке жеваную ручку и протянул ей.

– Спасибо большое! Я всего на секунду.

Она прошла вдоль автобуса, извлекла из-под мышки рукопись и сняла с ручки колпачок. Остановилась перед рекламным щитом и поднесла ручку к бумаге.

Объявления уже не было...

Вирджиния стояла и, изумленно моргая, смотрела на автобус. Вся она сжалась от обжигающего озноба, начавшегося где-то в верхней части спины и быстро распространившегося по всему ее телу. Никаких мелких синих буковок на желтом фоне не было и в помине. Вместо них со стального бока взирало кричаще яркое изображение местного ди-джея, сверкающего зубами размером с игральные карты.

Вирджиния сделала шаг назад и стала оглядывать автобус сверху донизу. Весь рекламный щит был посвящен утреннему шоу названного ди-джея. Огромными оранжевыми бук-

вами на щите было выписано название радиостанции и какой-то идиотский слоган.

Вдруг шум транспорта куда-то исчез, и словно с огромного расстояния Вирджиния услышала голос, зовущий ее. Она сделала еще шаг от автобуса в надежде на то, что надпись проявится на большем расстоянии, как это бывает с очень крупными фотографиями, однако ничего не произошло.

Дверца захлопнулась, вновь раздался звук тормозов, и автобус с грохотом отъехал от остановки. Она удивленно посмотрела ему вслед и засеменила за ним, размахивая ручкой. Водитель не обратил на нее никакого внимания.

Вирджиния стояла на тротуаре, дневная жара согревала ей плечи, вернулся шум транспорта. Она взглянула на ручку в одной руке и на рукопись – в другой и, чтобы не забыть, записала странное исчезнувшее объявление, которое увидела на рекламном щите автобуса.

4

Поднимаясь в гору от автобусной остановки, Вирджиния успела порядком вспотеть. В доме, маленьком тexasском бунгало с жестяной крышей, было душно, поэтому она открыла окна и включила вентилятор, затем швырнула рукопись на рабочий стол и попыталась сразу набрать номер Чипа. Ответил автоответчик его друга Мела – как ни странно, голосом Чипа, – и она повесила трубку, не оставив никакого сообщения. Села за стол, взяла рукопись, осторожно касаясь ее, словно из страха каким-то образом повредить. Посередине оставался след от сгиба. Уголок одной страницы оказался загнут, приоткрыв окончание какого-то слова: «...тел».

Я должна вспомнить, что это за слово, не глядя в текст, подумала Вирджиния. Я же его написала.

Внезапно ею овладело безумное желание узнать пресловутое слово, но Вирджиния почему-то не могла заставить себя открыть страницу. Хотел? Летел? Вертел? Что за слово такое? Вернулось ощущение надругательства, которое она ощутила в кабинете Карсвелла, и дрожь вновь пробежала по ее телу. Рукопись, которую она держала в руках, казалась ей теперь чужим произведением, она утратила право даже смотреть те слова, которые когда-то написала собственной рукой. Единственное, на что была способна Вирджиния в ту минуту, – это тупо уставиться на титульный лист:

Положение миссионера:

Конструирование францисканцами гендера Рапануи, 1862 – 1936.

Виктор Карсвелл.

Вирджиния выронила рукопись, словно она ужалила ее, и вскочила. Старое скрипучее офисное кресло со стуком отлетело в сторону. Что же это такое, подумала она, вновь склонилась над столом и внимательно перечитала имя автора.

Нет, конечно, *Даннинг*. Черным по белому написано: *Вирджиния Даннинг*.

Вирджиния шумно выдохнула и потерла глаза. Смежив на мгновение веки, она вдруг снова увидела сцену в кабинете Карсвелла, увидела, как он пишет что-то на полях одной из страниц рукописи и затем передает статью ей. Вирджиния открыла глаза и положила руку на статью.

– Нет, – произнесла она решительным тоном.

Меньше всего сейчас ей хотелось видеть агрессивно аккуратный почерк Карсвелла, не говоря уже о содержании его записи, поэтому она схватила стопку бумаг, рывком открыла

верхний ящик шкафа, швырнула туда рукопись и захлопнула ящик. Когда-нибудь ей все равно придется прочесть то, что написал Карсвелл. Но только не сейчас. Не сейчас.

Вместо этого Вирджиния сбросила кота с дивана и легла сама, с телефоном на коленях. Она набрала номер телефона своей чикагской подруги Элизабет в надежде, что Лиззи окажется дома.

Элизабет подняла трубку. Как ни странно, Господь иногда отвечает на молитвы своих постмодернистских детей. Вирджиния пересказала ей свою историю, вытянувшись на длинном диване и натянув на голову покрывало.

– Извини, Джинни, – сказала она, и в ее голосе слышались нотки рассеянности, которые появляются, когда говорящий занимается чем-то еще, по-видимому, значительно более важным, зажав трубку между подбородком и ключицей.

– Что тебе известно о Карсвелле? – спросила Вирджиния. – Он раньше занимался чем-нибудь подобным?

– Знаешь, я работаю совсем в другой области, – начала Элизабет, затем возникла пауза, и Вирджиния услышала шуршание каких-то бумаг.

Незадолго до того Элизабет получила постоянную должность в Чикагском университете на кафедре английской литературы, и у нее хватало своих проблем. Ее брак с преподавателем английской литературы из Айовы развалился, и сейчас Элизабет переживала сложный период, занимаясь реше-

нием крайне болезненных вопросов, связанных с разводом.

– У тебя, кажется, была подруга, которая уехала в Провиденс? – спросила Вирджиния.

– Джинни, ты позвонила в крайне неудачное время, – ответила Элизабет. – Я разбираю документы по бракоразводному процессу.

– О боже, извини, – воскликнула Вирджиния. – Может, мне позвонить попозже?

На другом конце провода раздался тяжелый вздох.

– Ка-ли... – произнесла Элизабет.

– Извини, не поняла, – откликнулась Вирджиния, снимая покрывало с головы.

– В Провиденсе Карсвелла называли «Кали».

Вирджиния услышала скрип трубки, что означало, что ее взяли в руки, и тембр голоса Элизабет изменился.

– Или «профессор Кали». В честь индийской богини смерти. Юмор заключался в том, что, как многие полагали, его научная репутация зиждется на черепах загубленных им дипломников и аспирантов. Большинство людей его уровня измеряют свои карьерные успехи количеством хорошо устроенных учеников. А вот Карсвелл, как я слышала, напротив, получал особое удовольствие от крушения научных судеб еще до их реального начала.

– Боже мой, какой ужас! – воскликнула Вирджиния.

– До меня также доходили слухи, – продолжала Элизабет, начав проявлять заметный интерес к предмету разговора, –

что он изо всех сил пытался оградить факультет от культурологических и гендерных исследований из чисто идеологических соображений, но даже ему не удалось справиться с главной тенденцией времени. А потом я слышала, что он отказался от исследований в области культур Океании, пережил что-то вроде внезапного «обращения» и выпустил какую-то теоретическую книжку, очень современную по содержанию.

– В самом деле? – удивилась Вирджиния. – Как это, мгновенное преобразование, что ли?

– Что-то вроде того. Книга не совсем обычная, на довольно оригинальную тему. Вроде бы о колдовстве в эпоху Просвещения. Названия не помню. Частично она оказалась совсем неплохим исследованием, очень актуальным, по крайней мере мне так говорили. Однако большая часть представляла собой все то же старье, которым Карсвелл занимался и раньше, историографический антиквариат, обычная для него многословная сверхтщательная экзегеза источников, только на сей раз уснащенная большим количеством постмодернистских словечек. По сути, дерьмо.

– И по этой причине ему пришлось уехать из Провиденса?

Элизабет рассмеялась желчным смехом, больше походившим на презрительное фырканье, что Вирджинии очень не понравилось. Лиззи всегда славилась интеллектом, но раньше она редко бывала настолько бестактной.

– Ах, Джинни, пожалуйста, не будь наивной. Он прекрасно знает, кому нужно улыбнуться и вовремя пожать руку.

– Почему же он все-таки уехал?

– Я слышала, что после того, как книга вышла в свет, один из его дипломников обвинил профессора в плагиате. Парень утверждал, что вся современная часть книги принадлежит ему, а не Карсвеллу.

Сердце Вирджинии учащенно забилося.

– И что случилось потом?

– Все так ничем и не разрешилось. Парень покончил с собой.

– Покончил с собой?

Вирджиния инстинктивно поднесла руку к горлу.

– Так я по крайней мере слышала.

– И университетские власти не дали этому делу ход?

– Они заключили с Карсвеллом сделку. Согласились замолчать все происшедшее и не начинать против него преследования в случае, если он тихо подаст в отставку.

– Как звали студента?

Пuls Вирджинии участился до опасной грани.

– Дипломника? Ну, боже мой, я, конечно же, не помню. Харрисон... или Харриман... Как-то так.

Вирджиния выпрямилась на диване. Сердце ее готово было вырваться из груди, и ей пришлось напрячься, чтобы голос не дрожал.

– Случайно, не Харрингтон? Не Джон Харрингтон?

– Да, точно, – радостно подтвердила Элизабет. – Именно так его и звали. – А затем с какой-то капризной ноткой в

голосе добавила: – А я думала, что ты ничего об этой истории не знаешь.

– Как он умер? – прошептала Вирджиния.

– Все списали на несчастный случай, но история была действительно очень странная. Он упал с дерева рядом со своим домом...

Вирджиния больше ничего не слышала. Ей показалось, что свет в комнате стал каким-то тусклым, ветерок, дувший в открытое окно, вдруг приобрел промозглое осеннее дыхание, неся с собой предчувствие близкой и мрачной зимы. Вирджинии вспомнилось миннесотское детство, не баловавшее ее теплом.

– Мне пора, Джинни, извини, – сказала Элизабет. – Через час у меня встреча с адвокатом.

– Прости, я не знала, – произнесла Вирджиния, изо всех сил стараясь сосредоточиться.

Конечно, у Лиззи проблем сейчас тоже хватает, и они совсем не легче ее собственных. А может быть, и посложнее.

– Послушай, я прекрасно понимаю, какой все это позор и как несправедливо. – Элизабет сделала паузу, будто стараясь совладать с эмоциями. А затем выпалила: – Черт, конечно, хуже, чем просто несправедливо. Гадко, преступно. Но если бы я была на твоём месте, Джинни, клянусь Господом Богом, я бы пошла на все, что он требует. Черт с ним, пусть ставит свое имя на твоей статье. Борьба с ним обойдется тебе гораздо, гораздо дороже, чем унижение. Позволь ему удовле-

творить свое тщеславие. Ведь, пойми, будущее за тобой, а не за ним. Когда ты включишь свою статью в качестве главы в книгу, то сможешь сунуть его презренное имя куда-нибудь в самый конец списка с выражением признательности. Но сейчас, девочка, поверь, у тебя в самом деле нет другого выбора.

Вирджинию била такая дрожь, что она не услышала почти ничего из сказанного Элизабет. Она понимала, что следует спросить Лиззи о ее проблемах, позволить подруге хоть немного выговориться, но единственное, чем были заняты ее мысли, было внезапное исчезновение желтого рекламного щита с маленькими синими буквами. Вирджиния вспомнила, что записала текст на оборотной стороне своей статьи. Она с отвращением перевела взгляд в сторону стеллажа с бумагами. Если бы она сейчас закрыла глаза, то увидела бы эту надпись, сделанную ее собственным почерком на оборотной стороне последнего листа статьи: *«Джон Харрингтон. У него было три месяца».*

– Как Шарлотта? – едва выговорила она, взяв себя в руки.

Ей не хотелось упоминать о почти уже бывшем муже Элизабет, высокомерном мелком проныре по имени Пол, которого Вирджиния никогда не любила, и потому она спросила Элизабет о ее любимой кошке. И явно попала со своим вопросом впросак. При имени Шарлотты у Элизабет перехватило дыхание, а у Вирджинии возникло ощущение, что подруга готова вот-вот расплакаться.

– Наш мир все еще принадлежит мужчинам, – горько про-

изнесла Элизабет; чувствовалось, что ей трудно говорить. –
Чтоб они все провалились к чертовой матери!

5

В тот вечер Вирджиния позволила себе, как выражалась ее мать, «побыть немного Скарлетт О'Хара» – забыть до конца дня о случившемся. Она подумает об этом завтра.

Ведь в конце концов, как часто говаривала мама, по-миннесотски воспроизводя стиль красавицы-южанки в исполнении Вивьен Ли, утро вечера мудренее.

Вирджиния отправилась в большой супермаркет, расположенный у подножия холма, за энчиладами², затем вернулась домой, накормила Сэма – весьма добродушного, но глуповатого персидского кота Чипа. Потом вяло слонялась по дому в шортах и майке, занималась уборкой, наслаждаясь теплом тexasского летнего вечера. Закончив с делами, легла в постель и включила телевизор.

Наконец она заснула за просмотром телевизионного фильма о туристах, оказавшихся жертвами последователей какого-то языческого культа. Одну из ролей в фильме исполнила актриса, играющая мать в известном телесериале. Чип наверняка вспомнил бы ее имя, подумала Вирджиния, обняв подушку и чувствуя, как тяжелеют и закрываются веки.

Она проснулась, обнаружив, что смотрит на Леттермана, склоняющегося над письменным столом и протягивающего

² Энчилада – кукурузная лепешка с острой начинкой и приправой чили, национальное мексиканское блюдо.

руки к какой-то нервно улыбающейся юной актрисе. Вирджиния выпрямилась и потянулась за пультом.

– Как здесь холодно! – произнесла она вслух, отключая Дейва посередине страстных объятий.

Потом встала и пошла по дому в сопровождении Сэма, лихорадочно растирая локти, выключая все вентиляторы и закрывая все окна. Наверное, прорвался холодный фронт, подумала Вирджиния, однако, глянув из переднего окна на красновато-зеленое небо над Ламаром, обнаружила звезды на абсолютно чистом небосклоне. Ни одной темной точки, ни сверкания молний, ни звуков грома, доносящихся из прерий. Она взяла кота на руки, чтобы согреться, и вернулась вместе в нем в спальню, но Сэм сразу же спрыгнул с кровати на пол и куда-то убежал. Даже при закрытых окнах Вирджинии было страшно холодно, поэтому она натянула теплые колготки, пару носков, надела теплую майку, а из кроватного ящика извлекла толстое одеяло. Натянув все на себя и укутавшись потеплее, Вирджиния заснула.

И очень скоро проснулась – кто-то вспрыгнул к ней на кровать и подлез под одеяло рядом с подушкой. Это был всего лишь Сэм. Он часто так делал: залезал на подушку Чипа и сворачивался клубочком. Но сегодня он ее испугал. Вирджиния подняла голову и увидела темный силуэт кота на фоне светящихся красноватыми огоньками цифр электронных часов. Половина третьего ночи. Вирджиния вздохнула, проворчала что-то ласковое Сэму и снова стала погружаться

в приятную дрему под уютное мурлыканье кота.

Затем она проснулась уже от совершенно определенного звука – закрывался ящик шкафа с бумагами. В течение какого-то мгновения Вирджиния не могла ничего понять – разбудил ли ее шум, или она вначале проснулась и только потом услышала этот звук, но то, что она его слышала, сомнений не вызывало. Глухой стук ящика, скользящего в пазах, затем удар по задней стенке, щелчок замка и едва заметная вибрация металла.

Вирджиния резко приподнялась и села. От ужаса у нее перехватило дыхание, сердце бешено колотилось. Вокруг было темно и жутко холодно. Она бросила взгляд на часы и ничего не увидела. Красных огоньков не было, часы не работали. Отключилось электричество, подумала Вирджиния. В центральном Техасе в августе вполне обычная ситуация: сильный ветер мог повредить линию электропередачи или свалить трансформаторную будку. Однако электричество отключилось почему-то только в ее доме: Вирджиния глянула в приоткрытую дверь спальни и увидела тусклый луч уличного фонаря, проникающий сквозь незанавешенное окно гостиной.

Она глубоко вздохнула, ошупала подушку в поисках Сэма и обнаружила, что кот сидит. Он настороженно поднял голову и наострил уши. Сэм явно услышал нечто необычное.

Вирджиния тоже прислушалась. Дому было около семидесяти лет – даже кот не смог бы пройти по его неровному полу

так, чтобы не заскрипели старые доски, – и все же слышно ничего не было: ни шагов, ни шороха одежды, ни дыхания. Она попыталась взять себя в руки, наклонилась к краю кровати, потянулась за фонариком, лежавшим рядом с кроватью на столике, и за бейсбольной битой, которую на всякий случай тоже держала рядом с кроватью. Затем повернулась, опустила ноги на пол и, отбросив одеяло, встала.

Некоторое время Вирджиния не отходила от кровати, делая глубокие вдохи, чтобы немного успокоиться, прислушивалась к тишине, помахивая битой, словно примеряясь к ней. Это была детская бита, алюминиевая, прохладная и гладкая на ощупь, короткая, но очень удобная для того, чтобы орудовать ею одной рукой и причинить противнику довольно серьезные увечья. Вирджиния давно – еще задолго до переезда в Техас – решила для себя, что, если кому-то удастся проникнуть в ее дом, она не станет ждать, пока негодяй к ней приблизится.

На цыпочках Вирджиния прошла по темной комнате и, прижавшись спиной к стене, проскользнула в маленький коридорчик, откуда были видны кухня и гостиная. Крошечный электронный таймер на плите тоже отключился, однако сквозь боковую дверь Вирджиния увидела, что свет на веранде соседей горит.

У всех есть электричество, а у нее почему-то нет.

Она выждала мгновение, чтобы проверить, не вызовет ли ее передвижение какую-либо реакцию, затем вытянула руку

с фонарем и включила его. Не очень яркий желтоватый луч упал на пол гостиной, и она быстро перевела его на входную дверь, потом на письменный стол, на испачканный сажей прямоугольник камина и остановила на шкафу с бумагами. Рядом со шкафом никого не было, и, казалось, к нему никто не прикасался с того самого времени, когда она положила туда свою статью. Еще крепче сжав в руке битую, Вирджиния прокралась из коридора в гостиную, продолжая освещать фонарем комнату, диван, кресло, одну из стереоколонок. И снова никого... Гостиная была пуста.

Она перевела дух и опустила битую. Затем направила свет фонаря в сторону кухни, уже понимая, что результат будет тот же – в кухне никого. Если бы кто-то прошел туда из гостиной, обязательно зазвенела бы стеклянная дверь, а она ничего подобного не слышала. Вирджиния опустила фонарь и осторожно вернулась в гостиную. Ее окончательно успокоил звук половиц, скрипевших под босыми ногами.

Вирджиния выглянула в окна, расположенные с южной и восточной стороны здания. Они были закрыты. Сквозь центральное окно она увидела роскошную панораму университета и деловой части городка.

Вирджиния безуспешно попыталась включить верхний свет и настольную лампу, прошла к шкафу с бумагами и, прежде чем окончательно положить битую на письменный стол, внимательно оглянулась по сторонам. Ручка верхнего ящика показалась ей необычно холодной на ощупь, по-

что такой, какой бывает бутылка содовой, только что вытасченная из морозильника. Вирджиния медленно выдвинула ящик, удивляясь тому, что старается вести себя как можно тише в собственном доме. Когда она направила луч фонаря внутрь ящика, то была сразу же поражена странным ощущением резкого порыва холодного ветра по полу. Вирджиния быстро захлопнула ящик, схватила битую и круто развернулась, направив свет фонаря прямо перед собой. Никого. Все вокруг было неподвижно. С битой в руке она проверила входную дверь и окна, ища источник внезапного сквозняка, – все было надежно закрыто и заперто.

Вирджиния вернулась и открыла ящик. Ручка была все еще холодной, и ей показалось, что из самого ящика вырвался порыв сырого ветра в тот момент, когда она склонилась над ящиком и посветила внутрь фонариком. Ты сходишь с ума, сказала она себе. Рукопись как ни в чем не бывало лежала на том самом месте, куда она ее положила. Вирджиния прикусила губу, удивляясь собственной паранойе. Несмотря на то что с вечера она попыталась вести себя подобно Скарлетт О'Хара, тем не менее, ложась спать, она не смогла избавиться от тяжелых мыслей о Викторе Карсвелле и довела себя до такого состояния, в котором ей стало чудиться, будто он каким-то образом проник в дом и похитил ее бумаги.

– Успокойся, детка, – пробормотала она.

Если бы Карсвеллу понадобилась ее рукопись, за последние несколько месяцев он уже несколько раз смог бы снять

копию. А возможно, и снял.

Для большей уверенности Вирджиния закрыла ящик на замок. Выключив фонарик и захватив биту, зашлепала по скрипучему полу обратно в спальню. Наверное, Лиззи все-таки права: она пытается сохранить свое достоинство слишком высокой ценой, навлекая на себя гнев Карсвелла. Пусть ставит свое имя на статье.

Вирджиния вошла в коридор, чувствуя, как от внезапного облегчения проходит весь ее гнев на Карсвелла, и тут услышала в спальне шуршание.

Она застыла на месте и снова подняла биту. Что-то двигалось у нее на постели. Это совершенно невозможно, подумала Вирджиния. Если бы кто-то пробрался в спальню, она наверняка бы услышала.

Несколько мгновений она колебалась, покачиваясь на пятках; ей страшно захотелось выбежать из дома, пойти к соседям и вызвать полицию. Кое-как поборов страх, Вирджиния прошла в маленький коридорчик и посмотрела в приоткрытую дверь спальни. Шорох стал громче, что-то двигалось среди простыней и одеял.

Вирджиния тяжело и шумно выдохнула и вошла в комнату.

– Сэм! – воскликнула она. – Это ты, балбес?

Вирджиния подняла фонарик, и в то же мгновение кот издал долгое, жуткое шипение. На голове у Вирджинии зашевелились волосы, все внутри нее сжалось: шипение доноси-

лось из-за ее спины, из коридора. *Сэма в спальне не было.* А в ее постели находилось *что-то* еще.

Вирджиния застыла, чувствуя, что не в силах двинуться с места. Тем не менее она направила фонарь в сторону кровати и увидела, как простыни и одеяла столбом поднялись вверх. У Вирджинии от ужаса перехватило дыхание, она не могла даже кричать. Под постельным бельем будто стоял человек, воздевший руки к небесам.

И тут белье вдруг поднялось над кроватью и повисло в воздухе. Фигура, скрытая под простынями, медленно поворачивалась из стороны в сторону, наклонив голову и размахивая руками, словно что-то нащупывая. Вирджиния едва могла дышать, тем не менее каким-то образом ей удалось отступить за дверь. Половицы заскрипели у нее под ногами, и внезапно нечто, скрывавшееся под простынями, подняло голову, и Вирджиния увидела, как простыня скомкалась в некое подобие *лица* – нечеловеческого и неопишимо злого.

Внезапным плавным движением *нечто* бросилось на нее, размахивая руками, задрапированными в постельное белье. Вирджиния вскрикнула и выронила фонарь. Он покатился по полу, хаотически освещая разные углы комнаты и придавая всему происходящему какой-то калейдоскопический облик. Страшный лик, проступающий сквозь складки простыни, ринулся на Вирджинию, руки под простыней пытались схватить ее. Вирджиния шнырнула бейсбольную битку и

услышала, как та с громким стуком покати­лась по полу. Уголок простыни скользнул по лицу Вирджинии, и она в полуобморочном состоянии упала на пол, лихорадочно пытаясь отползти, скрыться от этого кошмара, спрятаться где-нибудь в коридоре.

Фонарь все еще катился по полу, и луч его вращался странным обезумевшим прожектором, выхватывая из темноты разные участки комнаты. Единственное, что видела Вирджиния, был жуткий силуэт, паривший над ней. Она отскочила и больно удари­лась головой о дверь ванной. Кот скорчился в углу коридора рядом с ней, шипя и скаля клыки во вращающейся полосе света от фонаря. Вирджиния нащупала за спиной ручку двери в ванную, распахнула ее и буквально вкатилась на кафельный пол. Как только дверь ванной хлопнула по стене, *не­что* бросилось к Вирджинии, с жутким шуршанием воло­ча за собой простыни.

Из последних сил Вирджиния рванулась в коридор, схватила орущего кота, влетела в ванную и захлопнула за собой дверь. Сэм истошно вопил и царапал ее, наконец ему удалось вырваться, он прыгнул в ванну и сразу же забрался за занавеску. Вирджиния прижалась спиной к двери, твердо упершись ногами в пол. Но ноги в носках скользили, поэтому ей ничего не оставалось, как содрать носки и вновь прислониться к двери, упершись босыми ногами в холодный и скользкий кафель. Сердце ее неистово колотилось, дыхание с хрипом вырывалось из груди, Вирджиния зажмурилась и стала

ждать очередного наступления.

Ничего не происходило. Она затаила дыхание, прислушалась. Сердцебиение заглушало почти все звуки. Сквозь матовое рифленое стекло окна ванной проникал скупой, тусклый свет. В коридоре ничего не двигалось. Вирджиния немного ослабила упор, нащупала замок на двери и начала медленно его поворачивать, пока не услышала щелчок. После этого она опустилась на пол, глубоко вздохнула и потеряла сознание.

6

На следующее утро Вирджиния открыла глаза и обнаружила, что лежит нос к носу с собственным котом, жалобно ноющим на расстоянии шести дюймов от нее. Вирджиния прижималась щекой к скользкому кафелю, и на столь близком расстоянии Сэм казался громадным и страшным – с широкими глазами, длинными и острыми клыками. Вирджиния инстинктивно дернулась назад и больно ударилась о дверь ванной. Она застонала, выругалась и села, потирая затылок.

Сэм снова жалобно заскулил и положил передние лапы ей на колени. Вирджиния подняла глаза на окошко ванной и обнаружила, что уже день. Шея ныла, от лежания на твердом кафеле на бедре появился синяк. Вирджиния вдруг вспомнила все, что произошло ночью, и, ухватившись за держатель для полотенец, поднялась на ноги.

Страх ушел столь же мгновенно, как и вернулся. Ванная уже наполнилась теплым утренним светом, а кот, мурлыча, терся у ее ног. Вирджиния отперла дверь и выглянула в коридор. Сэм моментально проскочил сквозь образовавшуюся щель, остановился на мгновение у кучи постельного белья, валявшегося на полу, обнюхал его, а затем как ни в чем не бывало обошел кучу вокруг и направился на кухню к своей миске. Он уселся рядом с ней, оглядываясь на Вирджинию и

жалобно подвывая. Она тоже вышла в коридор и пошевелила простыни ногой. В углу валялся фонарь, батарейка в нем явно уже села. Бейсбольная бита закатилась в гостиную.

– О'кей, – сказала она себе и Сэму. – Иду-иду.

И побежала по коридору, перепрыгнув через кучу постельного белья. К тому времени когда она покормила Сэма, подобрала биты и фонарь, съела тарелку овсянки, на часах было уже девять. Яркое солнце освещало письменный стол. Глядя на веселые солнечные лучи на полу, Вирджиния с нарастающим недоверием воспринимала события прошедшей ночи: они казались ей все более и более невероятными. В конце концов она решилась подобрать простыни с пола в коридоре и отнесла их обратно на кровать. Потом снова попыталась дозвониться до Чипа по его лос-анджелесскому номеру, и вновь ей ответил только автоответчик.

Вирджиния сидела за столом с телефоном на коленях, когда он вдруг зазвонил.

Звонила Элизабет, выпалившая почти одним залпом:

– Послушай, Джинни, у меня нет времени разговаривать, и просто хотела извиниться за свою вчерашнюю грубость, я знаю, что ты сейчас переживаешь, и очень тебе сочувствую, но вчера у меня своих проблем было по горло. В общем, я нашла для тебя телефон одного человека, который мог бы быть тебе полезен.

– Лиззи? – произнесла Вирджиния.

– У тебя ручка под рукой? – спросила Элизабет, почти не

делая паузы. – Записывай.

Вирджиния, не говоря ни слова, схватила карандаш и записала номер на первом же клочке бумаги.

– Ее зовут Беверли Харрингтон, – продолжала Элизабет, пока Вирджиния разглядывала уже записанный номер. – Это же... же... жена Джона Харрингтона. – Элизабет впервые за все время сделала более или менее продолжительную паузу и перевела дыхание. – Точнее, вдова, – поправилась она. – Мне сказали, что она неисчерпаемый источник информации о Карсвелле, и такой информации, которую, что называется, лучше бы и не знать. Джинни, извини, мне пора.

– Подожди! – крикнула Вирджиния, взмахнув карандашом. – Где она живет? Ты дала мне только номер телефона. А код штата, города?

– Такой же, как и у тебя, Джинни, – ответила Элизабет. – Теперь она живет в Ламаре. Послушай, я в самом деле должна бежать. Не пропадай.

Элизабет повесила трубку, и в ухе Вирджинии еще некоторое время звучали короткие гудки. Она записала имя женщины рядом с номером и поднесла конец карандаша с ластиком к клавишам телефона, который продолжала держать на коленях. Что Лиззи имела в виду, когда говорила об «информации, которую лучше бы и не знать» о Карсвелле? И зачем вдова Харрингтона переехала в Ламар? Во всем этом есть что-то жуткое, подумала Вирджиния. С какой стати ей захотелось жить в одном городе с Карсвеллом после того, что

произошло с ее мужем?

И вдруг Вирджиния краем глаза заметила, как сбоку что-то шевельнулось. Она подскочила, прижав телефон к груди и зажав карандаш в руке, подобно кинжалу, грифелем вверх. Нарушителем спокойствия оказался всего лишь Сэм, запрыгнувший в кресло, освещенное теплыми лучами утреннего солнца, и устроившийся там, чтобы немного соснуть после завтрака.

– Господи! – выдохнула Вирджиния, усаживаясь за стол и набирая номер.

Ей вновь ответил только автоответчик, на сей раз женским голосом, не назвавший имени, а только повторивший номер и порекомендовавший ждать сигнала. Вирджинии сразу же не поправился голос на автоответчике. Он был хриплый и очень высокий – голос куклы из мультфильма. Живые люди так не разговаривают, подумала Вирджиния. В наше время взрослому человеку непростительно иметь такой голос.

Прозвучавший сигнал застал Вирджинию врасплох. Она еще не придумала, что должна сказать.

– Здравствуйте, это... э-э... – начала она. – Гм... меня зовут Вирджиния Даннинг, мне дала ваш номер Элизабет... то есть одна моя подруга дала мне ваш номер, наверное, вы ее не знаете.

Вирджиния остановилась, перевела дыхание и подумала: а зачем она, собственно, звонит этой женщине?

– Моя подруга полагала, что вы сможете... что вы что-то

знаете о... в общем, моя проблема имеет некоторое отношение к вашему мужу... О боже, извините, я вовсе не хотела...

Вирджиния зажмурилась и тяжело вздохнула.

– Извините, – проговорила она, – я путаюсь. Меня зовут Вирджиния Даннинг, и я преподаю на одном факультете с Виктором Карсвеллом...

Вирджиния услышала щелчок и подумала, что израсходовала отведенный ей кусок пленки, но тут кто-то заговорил.

– Как вы сказали, вас зовут? – произнес тот же голос, который за несколько минут до того она слышала на пленке.

– О, здравствуйте, – откликнулась Вирджиния. – Меня зовут Вирджиния Даннинг. А вы Беверли?

– Откуда вы знаете Виктора Карсвелла? – спросил голос. Он был таким же искусственно высоким и надтреснутым, как и на пленке, но в нем появилось и что-то еще, чего в записи не было.

– Мы коллеги, – ответила Вирджиния, скорчив гримасу отвращения – настолько ей было неприятно признавать сей факт. – Работаем на одном факультете. В университете Лонгхорна.

– И что же он вам сделал? – спросил голос. У Вирджинии перехватило дыхание.

– Мне говорили, – произнесла она, немного придя в себя, – что вы сможете мне что-то рассказать о нем.

– *Что он вам сделал?* – настаивал голос.

Прежде чем ответить, Вирджиния немного помолчала.

– Послушайте, – наконец сказала она, – по-моему, это не телефонный разговор. Может, нам лучше встретиться где-нибудь за чашкой кофе?

– Где вы живете? – спросил голос.

– Простите?

– Вас зовут Вирджиния Даннинг, ведь вы так сказали? – В голосе определенно присутствовала некая жесткая язвительность, которая развеяла все ассоциации с куклами из мультфильмов. – Передо мной университетский справочник. Если понадобится, я смогу уточнить по нему ваши данные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.